

RU

Историческая инверсия как хронотоп социальных обстоятельств в поэме классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева «Раненый тур»

Биттирова Т. Ш.

Аннотация. Целью исследования является раскрытие круга проблем, связанных с идейным содержанием поэмы классика карачаево-балкарской литературы Кязима Беккиевича Мечиева (1865-1945) «Раненый тур». Уделяется особое внимание историко-социальным обстоятельствам, вынудившим поэта написать одно из своих социально заостренных произведений. В работе представлены результаты сравнительного анализа поэмы автора с произведениями классиков литератур региона - К. Хетагурова и И. Казака. Определяется вопрос ответственности автора в раскрытии темы, его заинтересованности в разрешении проблем горского общества. Особое внимание уделяется средствам художественной выразительности, использованным К. Мечиевым в поэме для создания эмоциональной картины социальной неустроенности жизни балкарского общества. Научная новизна исследования видится в том, что в работе впервые раскрывается связь лирического героя и автора. Результаты научного исследования показали актуальность идей, содержащихся в поэме, их значимость для понимания процессов, происходящих в горском обществе в предреволюционные десятилетия.

EN

Historical Inversion as a Chronotope of Social Circumstances in the Poem “The Wounded Aurochs” in the Poem “The Wounded Aurochs” by the Classic of the Karachai-Balkarian Literature Kyazim Mechiev

Bittirova T. S.

Abstract. The aim of the study is to reveal the range of problems associated with the ideological content of the poem “The Wounded Aurochs” by the classic of the Karachai-Balkarian literature Kyazim Bekkievich Mechiev (1865-1945). Special attention is paid to the historical and social circumstances that forced the poet to write one of his socially acute works. The paper presents the results of a comparative analysis of the author’s poem with the works of the region literatures classics - K. Khetagurov and I. Kazak. The researcher determines the issue of the author’s responsibility in the disclosure of the topic, his interest in resolving the problems of the highland society. Special attention is paid to the means of artistic expression used by K. Mechiev in the poem to create an emotional picture of the social disorder of the Balkar society life. The scientific originality of the research is in the fact that the work for the first time reveals connection between the lyric hero and the author. The scientific research results have shown the relevance of the ideas contained in the poem, their significance for understanding the processes that took place in the mountain society in the pre-revolutionary decades.

Введение

Актуальность данной работы вызвана необходимостью углубленного изучения творчества К. Мечиева в ракурсе отношения автора к социальным неурядицам, свидетелем которых он был и для устранения которых он осознанно творил. Поэзия классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева (1865-1945) вобрала в себя все исторические перипетии народа на протяжении более полувекового периода его активного творческого пути. В ней отразились драматические, трагические, мирные вехи его истории. «Раненый тур» – поэма, написанная на традиционный сюжет литератур Северного Кавказа – мир богатых и бедных, их противостояние, в контексте которого художественной доминантой является позиция художника, отстаивающая интересы угнетенных. К. Мечиев придал известному сюжету новый ракурс, сравнив жизнь бедняка Хашима

с раненым туром, создавая ряд символических концептов, приводящих к сопоставлению судьбы раненого тура с судьбой народа.

Достижению цели исследования способствовало решение следующих задач:

1. Определить, как отразились социальные конфликты в творчестве классика карачаево-балкарской литературы К. Б. Мечиева.

2. Проанализировать поэму К. Мечиева «Раненый тур», посвященную проблемам социальных неурядиц горского общества пореформенного периода. Определить соответствие художественных фактов историческим реалиям.

3. Выявить глубину и масштаб отражения социальных проблем как в сюжете поэмы, так и в авторских сентенциях.

Для решения поставленных задач автор использовал сравнительно-сопоставительный и контекстуальный методы, которые сочетаются в статье с принципом системности и целостности анализа. Основной методологический и методический принцип исследования – принцип историзма. Теоретической базой работы стали общетеоретические исследования и публикации, посвященные творчеству Кязима Мечиева (Кулиев, 1975; Толгуров, 1984; Кучмезова, 1996; Рахаев, 2007).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по истории и теории карачаево-балкарской литературы, при написании монографий и статей, посвященных творчеству К. Б. Мечиева.

Основная часть

От первого лица

Кязим Мечиев (1976) стал духовным лидером народа благодаря проникновенности и своевременности творчества. Он вскрыл «язвы» общества социального неравенства и смог с глубоким осознанием своей роли сказать:

О раненый тур, мы похожи,
Я ранен, как ты, я горю,
Я тоже страдаю, и тоже
Я кровью своей говорю!

Это четверостишие, сказанное еще в зачине «Раненого тура», содержит сквозной концепт поэмы Кязима Мечиева, события разворачиваются соответственно этому тезису, постоянно сопровождающему действие. Поэт, опережая изложение событий, говорит о своем отношении к ним, не в силах удержать эмоции. Данный прием – говорить от первого лица, выражая свои искренние чувства, взволнованно и искренне – присущ поэзии Кязима Мечиева. Здесь же он достигает своего апогея.

Перевод С. Липкина не транслирует всех смысловых оттенков четверостишия – в нем сконцентрирована боль поэта и понимание безысходности. Боль выражается через звуковые возможности речевой выразительности: ассонансно – концентрацией гласных звуков и аллитерацией согласных, что неоднократно использовалось К. Мечиевым в творчестве.

Ой, жаралы жугьутур!
Мен да санга ушайма, –
Жюрегими къан жууа,
Хапарымы башлайма (Мечиланы, 1989, с. 322).

Подстрочный перевод: О, раненый тур! Я похож на тебя, – Сердце обливается кровью, Я начинаю свой рассказ (подстрочный перевод автора. – Т. Б.).

Здесь аллитерация согласного «ж», усиленная повтором гласного «у», создает определенное тревожное настроение. И таких приемов – средств художественной выразительности в этой поэме множество.

Бедность основной массы населения, отсутствие перспективы, безысходность и в то же время взаимовыручка, позволяющая выжить в трудных обстоятельствах – все заложено в этих строчках: «Я ранен, как ты, я горю». «Я, как ты» – ключ и маркер основного идейного замысла автора. «Ты» – не только и не столько тур, «ты» – это народ, это угнетенные и живущие в беспросветности соплеменники. И в то же время «Я, как ты» – позиция автора – говорить от имени бедняков:

Я тоже страдаю, и тоже
Я кровью своей говорю!

Это заявление порождает развернутый «список» жизненных невзгод, раскрывая в поэме экономическое, политическое, психологическое состояние общества на окраинах России накануне революционных событий.

Поэмы Кязима Мечиева «Сары къош» («Желтый кош») и «Жаралы жугьутур» («Раненый тур») – первые карачаево-балкарские эпические произведения, созданные по канонам реалистического искусства, известны в научной литературе как произведения социального протеста (Теппеев, 2010, с. 108; Кучмезова, 1996, с. 46). Прежде всего поэмы объединяет авторское желание дойти до сути общественных неурядиц, показать их масштаб и дать возможность читателю принять активное участие в их устранении.

Если первая повествует о стычке между балкарцами и сванами из-за баранты – угона скота, вследствие чего с обеих сторон проливается кровь, то вторая рассказывает о случае на охоте и посвящена горькой участи простого горца.

Откладывая повесть не будем:
В золу превратишься, гляди,
Когда ты не выскажешь людям
Все то, что пылает в груди... (Мечиев, 1976).

Так начинается свою поэму Кязим Мечиев, главная цель которой – сказать свое слово в защиту таких обездоленных горцев, как охотник Хашим.

Мифы и реальность

Практически всем стихотворениям и поэмам автора, кроме «восточных», предшествуют реальные события. Только «Раненый тур» выбивается из этого ряда, так как не имеет за сюжетом конкретных событий и личностей. Данное обстоятельство придает произведению универсальность и в то же время усиливает авторскую позицию, позволяя оставаться объективным по отношению к событиям и персонажам поэмы:

Мы знаем свирепые бури,
И зной мы терпели не раз.
Сегодня о раненом туре
Хочу я поведать рассказ.
Я все изложу вам события.
Тоскуя опять и опять;
Об этом не в силах забыть я,
Об этом не вправе молчать (Мечиев, 1976).

Чтобы раскрыть общественно значимую проблему, Кязим Мечиев сопоставляет жизнь двух совершенно разных существ – человека и тура, связанных стечением обстоятельств, и через этот разновеликий мир поэт реализует идеи гуманизма и социальной справедливости.

Идея противостояния человека судьбе – основное содержание поэмы с акцентом на мужество и гуманизм главного героя, и вокруг этого образа концентрируется весь уклад жизни народа в дореформенный период. Как известно, отмена крепостного права в России, реформа 1861 года, законодательно закрепились на Северном Кавказе в 1867-1868 годах. Она кардинально изменила жизнь горцев, освободив зависимые сословия и разрушив вековые устои. Об этих устоях патриархального общества и повествует «Раненый тур».

Как и в «Желтом коше», поэма начинается с идиллической картинке, своего рода пасторали, но уже в другом сообществе – стаде туров:

Красивый, большой, круторогий,
Стремительно тур поскакал
По узкой и трудной дороге
К воде, что текла между скал.
Заснуло усталое стадо,
А тур, опершись на утес,
От волчьего хрипа и взгляда
Всю ночь охранял диких коз (Мечиев, 1976).

Но тур, оберегающий стадо, сам становится жертвой в тот момент, когда «заря за горой разгоралась, А стадо, напившись воды, По скалам неспешно взбиралось...». Звучит выстрел, стадо устремляется ввысь, «А тур? Он в крови, он упал!». Тур не может подняться вверх и потому бросается вниз, ища спасения, и, «жгучею раню мучим... всю ночь пролежал до утра»:

Он тяжкую рану, как воин,
С достоинством переносил (Мечиев, 1976).

Исследователь творчества поэта А. Теппеев (2010) считает основными в реализации идей автора сцены охоты: «Большую идеологическую нагрузку в поэме несут сцены на охоте, полные глубокой символики и экспрессии, предвосхищают закономерность социального конфликта. Сопоставление раненого тура, охотника на охотничьей тропе и волка способствует в полной мере раскрытию характеров персонажей» (с. 119). В самом деле, в горах разворачиваются события, за которыми следуют и попытка главного героя защитить свою позицию, объяснить безжалостному князю смысл своего благородного поступка, и картина жестокого с ним обращения со стороны князя и его свиты.

...Бедняк Хашим, ранивший тура, обошел все тропинки, но не нашел его. Автор, вводя в действие охотника, ранившего тура, рассказывает о его трудной жизни:

В нужде прозябая великой.
Охотой кормил он семью.
Скитался в горах горемыкой
В безлюдном, лесистом краю (Мечиев, 1976).

В продолжительный исторический период развития общества добыча зверя для пропитания была частью хозяйственной жизни балкарского народа, причем значимой частью. Тому свидетельство большой цикл фольклорных произведений, начиная с древних охотничьих песен – «Апсаты» и «Бийнёгер» – и более близких к описываемому периоду охотничьих песен (Биттирланы, 1997; Рахаев, 2007; Бийнёгер, 1984; Плаева, 2017).

Судьба охотника не раз заставляла поэта задуматься над его ремеслом. Кязимом была написана также баллада «Мать охотника», передающая тревоги матери за судьбу сына, вынужденного преодолевать «туманы, узкие тропы, суровые вершины, бездны, кручи, снежные провалы» и которого, возможно, поджидает и давнишний кровник. Она просит бога леса и зверей Апсаты сопровождать и охранять сына на опасном пути за добычей. Тревога матери основывалась на множестве фактов, когда охотник сам становился жертвой обстоятельств или добычей дикого зверя.

Мой сын, пора настала снегопада,
Печальны, мрачны горные пути.
Клянусь тебе, что умереть я рада,
Зато тебя от гибели спасти! – восклицает мать (Мечиев, 1976).

Хашим вынужден кормить свою семью и платить дань князю застреленными им турами, и потому он во что бы то ни стало должен вернуться в аул с добычей. В поисках зверя он обходит тропу за тропой, осматривая склоны горы, и видит, как раненый тур, «о ране своей забывая. Взбирался он вверх по скале, – Влекла его воля живая, что людям нужна на земле!».

Но вдруг Хашим увидел, что за раненым зверем гонится волк и вот-вот настигнет его. Не раздумывая, охотник метким выстрелом убивает волка и спасает тура:

Почудилось туру, что снова
Грозит ему пуля врага.
Предчувствия полон дурного.
Взглянул он, откинул рога (Мечиев, 1976).

Последняя строчка в оригинале звучит так:

«Жугътур, энгда шок Анга атылган сунуп, Суху да бир къарады, Башын артха терк буруп» (Мечиев, 1976).

В подстрочном переводе: «Тур подумал, что выстрел снова ему был предназначен, строго посмотрел на охотника, повернув быстро голову».

В карачаево-балкарских мифологических текстах существует магическая связь между охотником и объектом охоты. Так, к примеру, если зверь становится на задние ноги и смотрит охотнику в глаза, по народным поверьям, это предостерегающий взгляд и означает, что охотник дальше не имеет права убивать зверей. Иначе его ждут катастрофические события, вплоть до смерти.

Но у Хашима была другая ситуация – взгляд тура был взглядом спасенного животного, а не застреленного. Тур как бы простил его за нанесенную рану, но такую слабость охотнику не прощает его хозяин – князь. Он ждет охотника с добычей:

«Ты был на охоте?
Что ныне принес мне?» – спросил его князь.
О том, что случилось в лощине,
Хашим рассказал не таясь,
Князь вспыхнул: «Как баба, как дура,
Ты действовал, жалкий глупец!
Мужчина жалеет ли тура?
Растаял, как тает свинец!
Забыл ли ты с этого часа.
Что турьи нужны мне рога,
Что турье мне надобно мясо,
Что ты мой покорный слуга?»
«Да, я твой слуга безответный.
Никак не уйду от нужды.
Сам знаешь, что я многодетный,
И дети легли без еды».
«К чему мне, дурак, твои дети?
И знать мы о них не хотим!»
«Иль жить мы не вправе на свете?» –
Чуть слышно промолвил Хашим (Мечиев, 1976).

И здесь охотник сам становится жертвой, и такое обстоятельство подается безо всякого поэтического окрыления. Сопоставление сходных ситуаций как реалий жизни человека и мира животных передается гармонично, без каких-либо поэтических троп, скупое и точно. Князь бросается на бедняка:

Князь крикнул: «Молчи, грязный пес!»
И палкой с железной наделкой
Хашиму удар он нанес.

Хашим пошатнулся у двери.
 Упал и поднялся с трудом.
 На князя, как ловчий на зверя,
 Он бросился сильным рывком.
 Его задушил бы, пылая
 Всей кровью, – но множество слуг,
 Как волчья жестокая стая,
 На ловчего кинулись вдруг.
 Бесправного горца избиили
 И вытолкали за порог... (Мечиев, 1976).

Хашима некому защитить, как он в свое время защитил раненого тура, никто из слуг не смог перечить всеильному князю. Только поэт понимает его страдания:

Бесправие невыносимо.
 Противен мучительный гнет.
 И сердце болит у Кязима,
 И гнев ему спать не дает!
 Я вижу твой жребий высокий,
 Хашим, твоя рана горит.
 Когда я пишу эти строки.
 От боли я плачу навзрыд.
 С тобой угнетаемый вместе,
 С тобою страдаю вдвоем.
 Но верю я: грянет возмездье
 В селенье моем и твоём!
 Как туры, мы ранены оба.
 Скажи мне, о бедный мой брат,
 Исчезнут ли горе и злоба,
 Тяжелые, как снегопад! (Мечиев, 1976).

Слуги князя избиили бедняка, но душевная рана болит сильнее нанесенных побоев, безысходность порождает горькие думы:

Да, крепко Хашиму досталось, –
 И сердце, и тело болит.
 Рука от побоев сломалась,
 А сердце – от горьких обид... (Мечиев, 1976).

Совсем по-иному встретила Хашима семья, дети безмолвно поели пустую похлебку, а жена поддержала благородный поступок мужа:

«Спасибо за доброе дело, –
 Сказала Хашиму жена, –
 Я б тоже его пожалела
 Как славно, что жизнь спасена!
 А мы кое-как перебьемся.
 За нас не тревожься, Хашим,
 Без мяса теперь обойдемся.
 Похлебки своей поедим» (Мечиев, 1976).

Так заканчивается незамысловатый сюжет горской поэмы. Но автор в завершающих главах раскрывает свое отношение к судьбе героя, к судьбам безвестных охотников, пахарей, пастухов, вынужденных нести трудную ношу подневольных людей, поработанных не только физически, но и морально. В конечном счете он восклицает: «Мой раненый тур, мой народ!».

И еще: «Я горькие песни слагаю, Иного не зная пути...».

Автор в системе социальной иерархии горского общества

Личная судьба Кязима Мечиева перекликается с судьбой охотника Хашима. Его отец Бекки был трижды перепродан в рабство, после освобождения он совершил хадж. Это было своего рода социальным лифтом в пореформенный период. Несколько раз посещал святые для мусульманина места и стал хаджи (так называли человека, совершившего паломничество) и сам Кязим. Каждодневное заступничество за бедняков Кязиму давалось нелегко: власть имущим «Хотелось бы им невозбранно В темнице топтать меня в прах, Зарезать меня, как барана...». Однако, – заявляет Кязим, –

Не смеют князья меня трогать:
 Из Мекки пришел я с чалмой!
 Но вражеский чувствую коготь.
 Мне смертью грозят и тюрьмой... (Мечиев, 1976).

Поэт не просто слагал стихи, он чувствовал силу слова и одновременно ответственность за сказанные слова. Каждая строчка, выстраданная поэтом, становится крылатой не только из-за безупречности стиха, но и благодаря заложенным в ней смыслом, эмоциональности, искренности чувств, своевременности каждого тезиса.

Не хлеб ты вкушаешь, а горе,
Мой раненый тур, мой народ.
Но где же средь наших нагорий
Охотник, что жертву спасет?
Ты бедствий изведаль так много,
Как много в ущельях камней.
Скажи мне, чья горше дорога,
Скажи мне, чья доля трудней? (Мечиев, 1976).

Он видит в судьбе Хашима вековую проблему взаимоотношения богатых и бедных: «Та рана, что ноет от века, Заныла и в сердце твоём».

Такие же вопросы одновременно с Кязимом задавали в своих произведениях большинство северокавказских поэтов, писателей, публицистов рубежа XIX-XX веков, каждый из которых искал ответ на вопрос: «Что делать?». Этот период ожидания перемен, предшествовавший трем русским революциям, был периодом тревожного бытия в горских обществах.

В «Песне раба», обращаясь к ослику, подобно тому как Кязим обращается к туру, Коста Хетагуров (1999) говорит о незавидной участи человека, приравненного непосильным трудом к животному:

В яслях мы одних родились,
Вырос ты со мной;
Вместе жили и трудились,
Бедный ослик мой!
Вместе, не жалея силы,
Надрывая грудь,
Терпеливо до могилы
Мы свершим свой путь.
Пусть живет наш хан спесиво, –
Что за дело нам? –
Жизнь – обман, но смерть не лстива, –
Все мы будем «там» (с. 34).

Ирчи Казак (2009), кумыкский поэт, также известен стихами социального протеста. Во множестве своих произведений он говорил о бесправном положении простого народа, об алчности, жестокости биев (князей), призывал взяться за оружие, за что был сослан в Сибирь, а после возвращения из каторги был жестоко убит:

Вот, мой бий, отчего по ночам мы не спим,
Мы хотим, чтобы в мире все стало иным,
Заржавевшие сабли из ножен достать
И клинков остроту наконец испытать (с. 19).

Философия отрицания зла и поиск путей созидания гармоничного мира

«Раненый тур» – небольшая по объему поэма, состоящая из 8 глав, действия заканчиваются на пятой главе, остальные три главы – авторские сентенции о социальных проблемах, о возможных путях их преодоления, об ответственности власть имущих и своей личной ответственности как духовного лидера. Он подчеркивает неоднократно, что может говорить открыто обо всем, чем живет его соплеменники-бедняки, ибо защищен как любовью народа, так и своим статусом хаджи: «Посла не казнят», – есть присловье. Народ меня сделал послом. Чтоб нищее наше сословье Своим защищал я стихом.

Кязим не призывал братья за оружие, он искал пути мирного решения накопленных веками проблем, но позже, когда начались неотвратимые революционные события, он благословил и своего сына, и его товарищей на борьбу. Его первенец Мухаммат погиб, воюя за идеи революции, краеугольным камнем которых была идея социальной справедливости, о чем писал поэт в «Раненом туре».

Великий балкарский поэт Кайсын Кулиев (1975) сказал о значимости творчества Кязима: «Кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, тот должен раскрыть кязимовскую книгу», также подчеркивал, что «он желал добра не только своему аулу, но и всем селениям на свете, где работающие люди с таким же трудом добывали себе насущный хлеб, как и горские крестьяне...» (с. 29).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Будучи одним из последних представителей бесписьменного периода балкарской литературы, К. Б. Мечиев выполнил особую миссию в истории культуры и литературы народа. Во всех своих произведениях

он заостряет внимание читателя на вопросах бесправия зависимых сословий, призывает искоренить социальное неравенство. В его поэзии звучат передовые идеи своего времени.

2. Классик и реформатор балкарской литературы Кязим Мечиев занял достойное место в духовной жизни как своего народа, так и региона в целом. Его поэзия освещает путь многих тысяч читателей, она им близка своей искренностью, душевностью, глубиной и красотой родного языка. Творчество классика карачаево-балкарской поэзии К. Б. Мечиева неисчерпаемо, в нем содержатся ответы на многие злободневные вопросы своего времени. Эта особенность творчества поэта ярко проявилась в поэме «Раненый тур», в которой представлен социальный срез балкарского общества в дореформенный период.

3. Общегуманистические принципы, составляющие основу творчества К. Б. Мечиева, позволяют ему оставаться востребованным и сегодня. Слово поэта, емкое, образное, искреннее, находило живой отклик у всех, кто слушал и старался запомнить бессмертные строки, чтобы передать последующим поколениям. Только так они смогли сохраниться, преодолевая и период бесписьменности, и годы изгнания – годы депортации, направленные на искоренение исторической памяти. Литературоведческая наука должна дать достойную оценку поэтическим шедеврам автора в будущих монографиях и других научных публикациях, ибо они несут правду, свет и надежду.

Перспективы дальнейшего исследования творчества К. Б. Мечиева обусловлены существенным вкладом поэта в развитие национальных поэтических структур и необходимостью углубленного его изучения, как в отношении проблематики, так и поэтики.

Источники | References

1. Бийнёгер (русская версия) / сост. проф. М. А. Хабичев. Черкесск: Ставрополь китаб басманы кьарачай-черкес бёлюю, 1984.
2. Биттирланы Т. Ш. Ал сёз // Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т. Ш. Биттирова, А. М. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997.
3. Казак И. Придет пора... Стихи и поэмы. Махачкала: Эпоха, 2009.
4. Кулиев К. Ш. Так растет и дерево. М., 1975.
5. Кучмезова Р. И мой огонь горел: эссе о слове Кязима. Нальчик: Эльбрус, 1996.
6. Мечиев К. Избранное. Стихи и поэмы / пер. с балк. С. Липкина. М.: Советская Россия, 1976. URL: <http://k-mechiev.ru/wp-content/uploads/2019/04/IZBRANNOE-Stihi-i-Poemy.pdf>
7. Мечиланы К. Сайламаларыны эжитомлугъу (Мечиев К. Стихотворения и поэмы): в 2-х т. / на балк. языке; сост., авт. пред. и коммент. А. М. Теппеев. Нальчик, 1989. Т. 1.
8. Плаева З. К. Охотничьи божества и обычаи Кавказа: параллели с осетинами // Nartamongæ. 2017. Т. 12. № 1. URL: <https://vncran.ru/upload/nartamongae/2017/189-204.pdf>
9. Рахаев А. И. Традиционный музыкальный фольклор Балкарии и Карачая: учеб. пособие для музыкальных и музыкально-педагогических вузов. Нальчик, 2007.
10. Теппеев А. М. Кязим Мечиев // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. З. Х. Толгуров. Нальчик: Эльбрус, 2010.
11. Толгуров З. Х. Движение балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984.
12. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений Коста Хетагурова: в 5-ти т. Владикавказ: Издание РИПП им. В. А. Гассиева, 1999. Т. 2.

Информация об авторах | Author information

RU

Биттирова Тамара Шамсудиновна¹, д. филол. н.

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

EN

Bittirova Tamara Shamsudinovna¹, Dr

¹ Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

¹ bittir@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 09.12.2021; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): Кязим Мечиев; поэма «Раненый тур»; автор и лирический герой; карачаево-балкарская поэзия; социальный лироэпос; Kyazim Mechiev; poem “The Wounded Aurochs”; author and lyric hero; Karachai-Balkarian poetry; social lyrical epos.